

сказала Уазиль, – ведь скандал иногда бывает хуже самого греха.

– И уж конечно принцу было что замаливать в монастырской церкви! – воскликнула Номерфида.

– Не осуждайте его, – сказала Парламента, – очень может быть, что раскаяние его было столь велико, что ему простился и самый грех.

– Очень трудно раскаиваться в таких приятных забавах, – сказал Иркиан, – что до меня, то мне не раз приходилось рассказывать подобные вещи на исповеди, но каяться я в них никогда не каялся.

– Тогда уж лучше было совсем не исповедоваться, – заметила Уазиль.

– Знаете, госпожа моя, – возразил Иркиан, – как ни тяжек грех и как я ни огорчаюсь, когда мне приходится чем-либо оскорбить господа бога, грешить-то людям всегда приятно.

– Вы и подобные вам наверняка хотели бы, чтобы бога совсем не было и чтобы единственным законом для вас было ваше собственное желание! – сказала Парламента.

– Должен признаться, – воскликнул Иркиан, – я хотел бы, чтобы господь бог каждый раз радовался вместе со мною, – и тогда, могу вас уверить, скучать бы ему не пришлось.

– Ну, нового бога вам все равно не создать, а раз так, то, значит, надо слушать того, который у нас есть, – воскликнул Жебюрон. – Пусть уж об этом спорят богословы, а сейчас давайте попросим Лонгарину предоставить кому-нибудь слово.

– Я предоставляю его Сафредану, – сказала Лонгарина, – только я попрошу его рассказать какую-нибудь действительно интересную историю и не стараться во что бы то ни стало говорить о женщинах одни только гадости; пусть следует правде – и там, где надо, их хвалит.

– Ну, вот и отлично, – успокоил ее Сафредан, – я согласен. В моем рассказе речь будет идти о двух женщинах: одна из них легкомысленна, другая скромна. Можете брать пример с какой хотите. Вы узнаете также, что любовь заставляет людей дурных совершать дурные поступки, тогда как чистое сердце способно только на хорошие, ибо любовь сама по себе хороша и если ее называют иногда безумной, ветреной, жестокой или постыдной, то потому лишь, что такими бывают мужчина или женщина, которые охвачены ею. И вот, выслушав историю, которую я вам сейчас расскажу, вы убедитесь, что любовь не способна изменять человеческую натуру и являет нам ее только такой, какая она есть, – ветреной у одних, а у других благородной.

Новелла двадцать шестая

Вняв совету одной добродетельной и благоразумной дамы, Сеньор д'Аванн³³¹ исцелился от неистовой любви, которую он питал к другой знатной даме, жившей в городе Памплоне.³³²

В царствование короля Людовика Двенадцатого жил некий молодой сеньор по имени д'Аванн, сын монсеньора д'Альбре и брат короля Иоанна Наваррского. Жил он постоянно при дворе короля. Юный сеньор, которому было тогда пятнадцать лет, был так красив и обходителен, что, казалось, был создан для того, чтобы женщины любовались им и любили его. И те, кто его видел, действительно в него влюблялись, причем больше всех им пленилась некая дама, жившая в городе Памплоне, в Наварре. Она была замужем за очень богатым человеком и жила очень строгой жизнью. Несмотря на то, что ей было всего двадцать три года, тогда как мужу ее было около пятидесяти, она одевалась так скромно, что ее можно было принять скорее за вдову, чем за женщину замужнюю. И никогда ни на свадьбах, ни на праздниках она не появлялась без мужа, которого так уважала за его справедливость и доброту, что предпочитала его самому красивому юноше. И муж, видя, сколь она благоразумна и искренна, так на нее полагался, что доверял ей все домашние дела. Однажды богатый дворянин этот вместе с женою был приглашен к сеоим родственникам на свадьбу. Среди гостей находился и юный сеньор д'Аванн, который, разумеется, лю-

³³¹ Это Габриэль д'Альбре, съер д'Авен и де Леспарр, дядя Генриха д'Альбре, мужа Маргариты.

³³² Памплона – город в предгорьях Пиренеев, до 1511 г. входивший в Наваррское королевство; затем отошел к Испании.